

Сергей Ананченко

ЗОВ ПАНГЕИ

КЛЮЧ

книга первая

Сергей Ананченко

Зов Пангеи. Книга первая: Ключ

<https://litres.ru/74607937>

SelfPub; 2026

Аннотация

Макс Волошин — обычный спасатель, который теряет жену под завалами. Вместо смерти его накрывает вспышка света и выбрасывает в Пангею, в мир, собранный из обломков эпох. Здесь советские танки воюют бок о бок с римскими legionерами против рыцарей в латах и американских морпехов. Здесь динозавры — не музейные экспонаты, а ежедневная угроза. И здесь, в самом центре этого безумия, запечатан астероид, способный уничтожить и Пангею и Землю.

Макс оказывается «Чистым» — единственным человеком, чей генетический код не повреждён хаосом Складки. Он может запускать технологии Предтеч, но он не подозревает, что его эмоции — это самый мощный ключ. Чтобы выжить, он должен пройти путь от спасателя до бойца элитного подразделения, научиться управлять хронос-полем и принять правду: женщина с лицом его мёртвой жены — это чужой человек, воин, который может стать его единственной опорой.

Содержание

Глава 1. Дождь мёртвых богов	4
Глава 2. Знакомство	20
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Ананченко

Зов Пангеи. Книга

первая: Ключ

Глава 1. Дождь мёртвых богов

Бетонная пыль забивала лёгкие, как мокрый цемент. Макс Волошин полз по-пластунски через щель, которая час назад была лестничным пролётом девятиэтажки, но теперь от неё остался перекошенный жёлоб, заваленный кусками штукатурки и рваной арматурой. Каждый вдох давался с присвистом, грудная клетка ходила рывками, и при каждом движении рёбра упирались в жёсткий край разгрузки, набитой инструментами. Фонарь на каске выхватывал из темноты обрубки труб, мёртвые провода, клочья обоев — голубые вазильки на белом фоне, чей-то дом, чья-то стена, и мелкую крошку, сыпавшуюся сверху при каждом толчке.

Город умирал уже третий час. Оползень, вызванный прорывом грунтовых вод, сложил семь зданий, как костяшки домино. МЧС подтянуло технику, развернуло штаб, первые бригады ушли к третьему корпусу, туда, где ещё подавали голоса. Но Макс не стал ждать очереди. В наушнике, залитом треском помех, теплился слабый пунктир — аварийный

маячок, вшитый в жилет жены. Елена, геолог мониторинговой группы, ушла в подвал четвёртого корпуса за образцами грунта за двадцать минут до первого толчка. Маячок пульсировал из самого разрушенного здания, к которому спасатели ещё даже не подоברались.

Комбинезон МЧС, оранжевый, с серебристыми полосами, цеплялся за каждый выступ. Макс содрал о бетон локоть, ругнулся сквозь стиснутые зубы, подтянулся на руках. Планшет в нагрудном кармане давно разбился, но рация пока хрипела, выплёвывая обрывки:

— ...Волошин, приём... периметр... запрет на вход в четвёртый...

Он выключил рацию. Щелчок тумблера отсек чужие голоса, и осталось только его дыхание, скрежет ткани по бетону и далёкий, утробный стон конструкций, здание оседало, медленно и неостановимо, как тонущий корабль.

Где-то этажом выше лопнул водопроводный стояк, и мутная вода побежала по стене, собираясь в лужу у прохода. Макс подполз ближе, и рука провалилась в размокшую штукатурку по запястье. Он выдернул кисть, ощупал пол перед собой. Плита просела, образовав уступ, за которым чернел провал в полметра шириной. Макс перебросил через щель ремень разгрузки, проверил, держит ли зацеп, и перетаскил себя на ту сторону, чувствуя, как край плиты прогибается под весом. Выдержала. Он позволил себе один короткий выдох.

Арматурный прут распорол ткань на бедре. Макс почувствовал, как тёплое расплзается по коже, пропитывая штанину. Не глубоко, просто рассекло кожу, длинно и неаккуратно. Не сейчас. Он перевалился через гребень обломков и увидел внизу то, что искал: косая трещина в фундаментной плите, за которой угадывался провал подвального уровня. Бетонные панели, рухнув, сложились шатром, образовав треугольный карман. В таких пустотах люди жили по несколько суток. Или не жили.

Маячок бился совсем близко. Пунктир в наушнике превратился в частую дробь, и Макс ощутил знакомое каждому спасателю предчувствие: за следующим поворотом либо чудо, либо конец.

Он протиснулся в щель, обдирая плечи, застрял на мгновение, зацепившись разгрузкой за острый край панели, рванулся, услышав треск рвущейся ткани, и прыгнул на полтора метра вниз. Фонарь мазнул по стенам: справа смятый стеллаж с пробирками, осколки которых блестели в луче, как рассыпанный сахар; слева — ком спрессованной мебели, из которого торчала ножка стула. Под ногами хрустело стекло. Запах здесь стоял другой, запах чего-то органического, смешанного с химической горечью реагентов из разбитых лабораторных ёмкостей.

И тогда он увидел её.

Елена лежала на боку, придавленная обломком несущей стены. Бетонная плита толщиной в две ладони прижала ей

ноги от колен до щиколоток. Тёмные волосы, собранные в рабочий хвост, выбились из-под каски и прилипли к щеке. Лицо серое от пыли, губы потрескались, но глаза открыты. Она смотрела на него, и в этом взгляде не было ни паники, ни слёз. Только усталое, невозможное облегчение, от которого у Макса перехватило горло так, что следующий вдох пришлось протолкнуть силой.

— Макс, — прошептала она. Голос был сухой, надтреснутый, как бумага. — Я знала.

Он рухнул на колени рядом, ощупал плиту. Пальцы скользили по шероховатому бетону, обходя трещины, прощупывая край. Тяжёлая. Безнадёжно тяжёлая, армированная, с торчащими обрубками арматурных прутьев, вдавленная сверху весом других плит. Но рядом, в завале, торчал гидравлический домкрат — кто-то из рабочих оставил при ремонте подвала. Макс рванул его к себе, подвёл под край плиты, начал качать. Рукоять ходила туго, механизм скрипел. Плита дрогнула на миллиметр, на два и встала намертво. Что-то наверху сместилось, посыпалась крошка, мелкий камень ударил Макса по затылку, и давление выросло. Домкрат застонал низким, утробным звуком перегруженного металла.

— Не получится, — сказал он вслух, и собственный голос показался ему чужим. Голос человека, который уже знает ответ, но ещё не согласен.

Елена открыла глаза. Зрачки расширены, радужка почти

не видна, а только тёмные колодцы, в которых плавал отсвет его фонаря. Она шевельнула пальцами правой руки, потянулась к нему, не дотянулась. Макс перехватил её ладонь. Кожа была ледяной и влажной, пальцы почти не сжимались.

— Лена. Я вытащу тебя.

Она едва заметно покачала головой.

— Ноги не чувствую. Давно.

Три слова, произнесённые без интонации, как диагноз, поставленный самой себе. Макс стиснул её руку крепче, чувствуя, как горло перехватывает спазм.

Он голыми руками схватился за арматурный штырь, торчавший из плиты. Железо было ржавым, шершавым и неподъёмным. Он тянул, упираясь ногами в пол, мышцы спины горели, а ладони лопались — сначала правая, потом левая, одна за другой. Он чувствовал, как кожа расходится, как кровь, горячая и скользкая, стекает по пальцам и мешается с цементной пылью в бурю кашу. Острая, оглушительная боль пришла волной, и тут же отступила куда-то за край сознания, потому что Елена была здесь, в полутора метрах, живая, и это было единственное, что имело значение во всей его биографии.

Плита не двинулась.

— Лена! — Голос сорвался в хрип. — Держись, я здесь!

— Он падает... — еле слышно прошептала Елена. — Макс... я люблю тебя.

Её глаза закрылись, голова качнулась вбок, и Макс не мог

понять, это обморок или хуже. Грудь двигалась, еле заметно, но двигалась, и он заставил себя оторвать взгляд от неё и шарить фонарём по полу в поисках хоть чего-то — рычага, лома, чуда. Луч метался по обломкам, выхватывая бесполезное: обрывок кабеля, расплюснутую канистру, битое стекло. И тогда зацепил тусклый блеск у самого края плиты. Серебро.

Медальон. Овальный, на тонкой цепочке, с гравировкой, которую он знал наизусть: «Вечность». Подарок на третью годовщину. Елена не снимала его никогда, ни в душе, ни в поле, ни в лаборатории. Видимо, цепочка лопнула, когда бетон накрыл её, и медальон выскользнул, откатился к краю, лёг на осколки стекла лицевой стороной вверх — маленький серебряный овал, в котором отражался свет фонаря.

Макс сгрёб его дрожащими, мокрыми от крови пальцами, и сунул в нагрудный карман, к сердцу, туда, где разбитый планшет давил на рёбра.

Макс снова потянулся к плите. Пальцы не слушались, скользили, оставляя на бетоне бурые разводы.

И тогда воздух загудел.

Звук шёл изнутри и отовсюду. Бетонная крошка на полу подпрыгнула и зависла, а потом рванула вверх, будто гравитация переключила полярность.

Кровь на ладонях Макса вспыхнула свечением, тусклым молочным сиянием, поднимавшимся из самих разрезов, из каждого лопнувшего капилляра, будто под кожей загорелась

вторая кровеносная система. Он отдёргнул руки, но свет не погас, только разгорелся ярче, пополз по предплечьям, и бетон под его коленями завибрировал в резонанс, мелко и зло, как зубоврачебная фреза.

Фонарь мигнул и погас. В крошечной темноте Макс увидел свет: не электрический, не огненный, а слепящую, молочную белизну, хлынувшую из каждой трещины в бетоне, из каждого шва, из самого воздуха. Свет не имел источника. Он был везде, он был всем.

Макс успел крикнуть имя жены и мир лопнул.

Ни грохота, ни удара. Только ощущение падения, но не вниз, а сквозь, как будто пол, стены, потолок, город, планета утратили плотность, и он проваливался через них, через слои реальности, каждый из которых мелькал и исчезал: чья-то кухня с кипящим чайником, ледяная равнина под зелёным небом, каменный мост над рекой, текущей вспять. Маслянистая чернота обхватила его, густая и тёплая. Ему показалось, что само время обтекает его. Огромная, безразличная река, несущая обломки чьих-то веков, а он висит в её сердцевине, нетронутый, запечатанный в коконе собственного пульса.

В последней вспышке, прежде чем всё исчезло, далеко внизу, в подвале, который уже не существовал, он увидел Елену. Плита лежала на ней, и свет заливал всё, и лицо жены было спокойным, словно она знала.

Потом не стало ничего.

Первым вернулся слух.

Далёкий гром, похожий на канонаду. Птичий крик — пронзительный, металлический, ни на что не похожий, будто кто-то провёл гвоздём по жестяному листу. Чей-то голос, отдающий команды на языке, которого Макс не знал и одновременно почти узнавал. Латынь? Он лежал лицом в землю. Земля была мокрой, горячей и пахла не так, как должна. Не бетонной пылью, не канализацией разрушенного города, а гнилью, железом и чем-то пряным, растительным, густым, от чего першило в горле. Тропики. Болото.

Макс разлепил веки.

Небо было неправильным.

Первое, что он увидел, — облака, подсвеченные снизу багровым заревом, будто за горизонтом горел лесной пожар. Но зарево шло не с горизонта, оно шло сверху. Макс перевернулся на спину, скрипя зубами от боли во всём теле, и его взгляд упёрся в астероид.

Колоссальный, тёмно-бурый, изъеденный кратерами, он висел в зените и светился изнутри тусклым, воспалённым багрянцем, как остывающий уголь. Размером с четверть неба. Неподвижный. Казалось, его удерживает что-то, какая-то невидимая цепь, натянутая между ним и землёй, и эта цепь слегка вибрирует, потому что воздух вокруг астероида дрожал, как над раскалённым асфальтом. Это была не луна.

Макс сел, руки тряслись. Ладони всё ещё были разодраны, кровь подсохла бурой коркой, но боль стала тупой, отда-

лётной, словно принадлежала кому-то другому. Он сидел на склоне холма, покрытом жёсткой, незнакомой травой. Комбинезон МЧС превратился в лохмотья, оранжевая ткань висела клочьями, серебристые полосы содраны, молния на груди заклинила, и карман с разбитым планшетом держался на одной нитке. Он машинально прижал карман рукой, нащупывая сквозь ткань холодный овал медальона. Здесь. Единственное, что осталось.

Воздух был густым и влажным, как в парнике, пропитанным гарью, химической горечью и чем-то медным, органическим. Запах большого боя — он знал его по учебным полигонам, по записям, по рассказам, но здесь он был настоящим, и желудок сжимался.

Издалека слева, из-за гребня, донеслись голоса. Отрывистые команды, перемежавшиеся руганью. Латынь и русский мат, сплетённые в единый поток, как два притока одной реки. Макс подумал, что у него галлюцинация. Потом подумал, что мёртв. Потом — что сошёл с ума. Ни одна из этих версий не объясняла запаха.

Над головой прошёл вертолёт.

Звук был узнаваем мгновенно: тяжёлый рокот несущего винта, свист турбин, дребезжание фюзеляжа. Ми-8. Транспортно-боевой. Макс вскинул голову и увидел его — оливково-зелёный, с облупившейся красной звездой на борту, с открытой боковой дверью, из которой торчал ствол крупнокалиберного пулемёта. Стрелок бил длинными очередями,

оранжевые точки трассеров, сшивавшие воздух пунктиром, уходили вверх и вправо, в нечто огромное и живое, что планировало над верхушками деревьев.

Птеранодон. Нет — крупнее. Кожистые крылья, натянутые между пальцами, как паруса, метров двенадцать в размахе. Переливающийся костяной гребень на вытянутом черепе. Кетцалькоатль. Макс знал это слово из детских энциклопедий, из музейных табличек, из мира, который минуту назад был единственным. Тварь кричала, но не рёвом, не визгом, а протяжным металлическим скрежетом. Пули рвали перепонки крыльев, тёмная кровь хлестала вниз, мелкие брызги долетали до склона, и Макс почувствовал их на лице — тёплые, пахнущие рыбой и аммиаком. Он вытер щёку тыльной стороной ладони и уставился на бурый мазок на коже. Настоящая кровь, настоящая тварь.

Он пополз вверх по склону. Трава была незнакомой, жёсткой, с зазубренными краями, оставлявшей тонкие порезы на коже, а между стеблями шевелились насекомые размером с палец, глянцевого, рыжего, с непропорционально длинными усиками. Колени скользили в грязи. Над ним снова прогрохотал Ми-8, закладывая вираж, лопасти хлестнули воздух так близко, что волосы рванулись вверх. Макс вцепился в корень, подтянулся, выполз на гребень.

И замер.

Внизу расстилалась долина, и в ней шёл бой.

Танки Т-62 — три машины, приземистые, угловатые, с

длинными стволами, утюжили поле, оставляя за собой борозды рыжей глины. На башне переднего танка трепетал вексиллум — бордовое полотнище с золотым орлом, привязанное к антенне. Римский штандарт на советской броне. Макс моргнул. Штандарт не исчез. Рядом с танками бежали десятки людей в плотном строю, и их снаряжение не поддавалось никакой логике. Лорика сегментата — сегментированный нагрудник из стальных полос — римские шлемы-галеа с красными и белыми плюмажами, щиты-скутумы. И автоматы Калашникова, перекинутые через плечо на брезентовых ремнях. Гладиусы на поясах, под сумки с магазинами на бёдрах, на ногах не сандалии, а армейские сапоги, стоптанные, с налипшей глиной.

Второй танк шёл с развёрнутым десантом: четверо легионеров сидели на корме, держась за скобы, ноги свешены, стволы направлены в сторону джунглей. На лобовой броне машины белой краской было выведено «SPQR-12», а ниже, кривыми кириллическими буквами, — «Зверобой». Гусеницы перемалывали папоротники, выбрасывая из-под траков куски зелёной каши.

Центурион в красном поперечном плюмаже стоял на капоте перевёрнутого «Урала» и орал так, что жилы на шее вздувались канатами. Слова долетали обрывками. «Testudinem formate!» и тут же, без паузы: «Третье отделение, огонь по левому флангу, мать вашу!» — и строй перестраивался, щиты смыкались черепицей, стволы выдвигались.

лись между ними, и короткие очереди хлестали по зарослям. Слаженно. Отработанно. Как будто это делалось не впервые и не в сотый раз.

Из джунглей вышел тираннозавр.

Вышел — не то слово. Он продавил стену зелени, как ледокол продавливают лёд, и деревья толщиной с телеграфный столб ложились перед ним, выворачивая корни из чёрной земли. Двенадцать метров мышц, покрытых грубой шкурой в старых шрамах. Голова — два метра оскаленных зубов, каждый длиной почти с предплечье Макса. Глаза — маленькие, жёлтые, тупые и внимательные одновременно, как у крокодила, который уже выбрал жертву. Рёв ударил по ушам физически, как взрывная волна, — Макс схватился за голову. Земля под ящером проседала, трава ложилась, и даже танк, ближайший к зверю, качнулся от вибрации.

Строй среагировал мгновенно. Передняя шеренга развернулась, щиты сомкнулись, и из-за их гребней ударили сразу шесть стволов, короткими, экономными очередями, по три патрона, в голову и шею. Пули вязли в толстой шкуре, оставляя тёмные точки, но ящер только мотнул головой, стряхивая боль, как собака стряхивает воду. Башня головного танка развернулась. Орудие гроыхнуло, выплюнув снап огня. Бронебойный снаряд ударил тираннозавра в грудь. Макс увидел, как шкуру вспорол сквозным ударом, как из раны полетели тёмные ошмётки мяса, а саму двенадцатиметровую гору мышц и кости качнуло и отшвырнуло назад на полша-

га. Но ящер выпрямился и снова шагнул вперёд. Из дыры в груди текло что-то густое, парящее на жаре, но зверь не замедлился. Второй танк выстрелил, попал в бедро. Ящер пошатнулся, припал на лапу, из разорванного сочленения вырвался фонтан крови, и тяжело наступил снова.

Справа, из-за поваленных древовидных папоротников, с визгом вылетела стая. Мелкие, двуногие, размером с крупную собаку, но быстрые, покрытые грязными перьями, с серповидными когтями на задних лапах. Дейнонихи. Они бросились на строй, и линия сломалась: legionеры рубили гладиусами, чавкала плоть, кто-то упал, кто-то кричал, но не слова, а тот нечленораздельный звук, который издаёт человек, когда коготь длиной с ладонь входит ему в живот. Автоматные очереди секли воздух. Один legionер отступил на шаг, вскинул Калашников и ударил прикладом набегавшую тварь прямо в морду, раздался хруст, и зверь отлетел, но второй уже прыгнул сзади, вспарывая когтем ремень щита. Строй восстановился, щиты сомкнулись, передние встали на колено, задние открыли огонь поверх голов, но двое остались лежать, и их уже волокли назад по траве за ремни разгрузок, оставляя широкие бурые полосы на зелёном.

Макс не мог двинуться. Он лежал на гребне, вцепившись в землю разодранными ладонями, и смотрел на то, чего не могло быть. Танки, динозавры, римские legionеры с автоматами, советский вертолёт — всё это существовало одновременно, в одном кадре, под небом, в котором висел астеро-

ид. Ни одна система координат, известная Максу Волошину, оператору МЧС, жителю двадцать первого века, не могла вместить увиденное. Мозг пытался и не мог, как уравнение, в котором слишком много неизвестных. Он моргал, считал пульс, пробовал ущипнуть себя, но содранная кожа на ладонях ответила такой резкой болью, что перед глазами побелело. Не сон. Боль настоящая, значит, и всё остальное тоже настоящее.

Макс заметил движение слева.

Невысокая женщина в лорике поверх гимнастёрки, с волосами, убранными под шлем, выскочила из-за бруствера и вскинула на плечо длинную трубу. ПЗРК. «Стрела-2», узнал Макс автоматически, отработанным рефлексом: он видел такие на складах, в руках инструкторов, сам держал в руках.

Женщина прицелилась вверх, туда, где второй кетцалькоатль заходил с фланга, раскинув кожистые крылья. Тварь не просто пикировала на строй — она целилась в брешь. Левый фланг «черепахи» треснул под натиском дейнонихов: первая шеренга смялась, легионеры отступали, смыкая щиты на ходу, но строй был разорван. Они ещё держали skutумы, прикрываясь от мелких тварей, но между щитами зияли щели, и несколько бойцов оказались спиной к небу. Именно туда, в эту рыхлую, ещё не восстановленную формацию, и заходил ящер. Удар с воздуха — и десятки людей, не прикрытых сверху, погибли бы под обломками костей и когтей.

Женщина выстрелила.

Ракета ушла с шипящим свистом, белый дымный след прочертил дугу. Попадание. Тварь вспыхнула, кожистые крылья занялись чёрным огнём, и она рухнула, кувыряясь, за деревья. Земля вздрогнула от удара.

Женщина обернулась, сбрасывая пустую трубу. Шлем сдвинулся, и Макс увидел её лицо.

Лена.

Нет. Не Лена. Не могла быть Леной. Лена лежала под плитой в подвале, в другом мире, в другой жизни, и всё-таки это было её лицо. Те же скулы, тот же разрез глаз, та же линия подбородка, та же привычка щуриться, глядя на свет, слегка наклоняя голову вправо. Издалека — точная копия, вплоть до того жеста, которым она убрала прядь с виска, быстро, тыльной стороной запястья.

Расстояние. Дым. Может быть, ему показалось. Должно было показаться.

Кто-то из легионеров крикнул ей — коротко, по-латыни. Она кивнула, подхватила с земли автомат и побежала к строю, пригибаясь, перепрыгивая через изувеченную тушу дейнониха. Движения точные, экономные. Движения человека, который давно живёт в этом аду и перестал ему удивляться.

Взрывная волна горячим, жирным воздухом, пропитанным запахом горелого мяса и керосина, прокатилась по склону. Макс не успел сгруппироваться, удар подхватил его, как тряпичную куклу, швырнул вниз, через кусты, через корни,

через камни. Мир кувыркался: небо, земля, дым, и каждый удар выбивал из него воздух, мысли, имя жены. Он покатился по склону, ломая ветки, цепляясь за траву, которая резала пальцы, и последнее, что он увидел перед тем, как темнота сомкнулась, — багровый зрачок астероида, глядевший на него сверху с равнодушием, которое было хуже любой ненависти.

Пангея встретила нового гостя.

Глава 2. Знакомство

Макс очнулся от жажды, от сухости, сковавшей горло так, что первый вдох прошёл с хрипом, точно воздух продирался сквозь наждак. Он разлепил веки. Зелёный, густой, процеженный сквозь тысячи листьев свет, ударил по зрачкам, и Макс инстинктивно зажмурился, пережидая резь. Второй раз за неизвестно какое время он приходил в себя в месте, которого не должно существовать.

Поля боя не было. Ни танков, ни строя, ни рёва тиранно-завра. Взрывная волна, должно быть, отшвырнула его дальше, чем он думал, или он полз, не помня себя, и забрался в эту зелёную глотку сам. Вокруг стояли деревья, но называть их деревьями было всё равно что называть собор сараем. Серые, бугристые стволы, покрытые наростами, похожими на хрящи, уходили вверх на тридцать-сорок метров и там взрывались кронами, сцепленными друг с другом в сплошной полог. Лианы свисали отовсюду: толстые, в руку, мохнатые от мха, перевитые друг с другом, как канаты на палубе. Подлесок — древовидные папоротники, листья с ладонь, острые, как бритва, смыкался на уровне груди, и продираться через него было всё равно, что лезть через колючую проволоку.

Влажный, горячий воздух, насыщенный гнилью, прелой листвой и незнакомыми пряными запахами — что-то сладковатое, похожее на корицу, но с горькой нотой, от которой

слезились глаза.

Макс сел, прислонившись спиной к корню, выпиравшему из земли, и осмотрел себя. Оранжевая ткань комбинезона МЧС потемнела от грязи и крови, правый рукав разодран по шву. Разгрузка с инструментами: мультитул, моток верёвки, карабин, фонарь цел, но батарея мигала красным. На планшете чёрная паутина трещин на мёртвом экране. Он щёлкнул тумблером рации, и динамик ответил тишиной, даже без статики. Ладони были бурыми от засохшей крови, кожа стянулась и потрескалась, каждое движение пальцев отдавалось тупой пульсацией. Порез на бедре загустел рыжей коркой, штанина задубела. Идти можно, других вариантов всё равно нет.

Нагрудный карман. Макс сунул руку и нащупал медальон — прохладный овал серебра, цепочка свернулась вокруг него, как змейка. «Вечность». Он сжал его и почувствовал, как что-то внутри дрогнуло, но тут же отпустил, сунул обратно, застегнул клапан.

— Лена! — позвал он.

Голос ушёл в зелёную стену и увяз, как камень в болоте. Ни эха, ни ответа, только далёкий, басовый, утробный звук, будто где-то за горизонтом ворочалось что-то огромное. От этого звука вода в лужице у его ног пошла мелкой концентрической рябью.

Макс встал. Ноги держали, хотя левое колено ныло после падения. Он огляделся, ища ориентиры. Солнце, если оно

было солнцем, пряталось за пологом, и определить стороны света не получалось.

Он двинулся наугад, продираясь через папоротники. Стебли хлестали по лицу и рукам, длинные, чёрные насекомые, с жёсткими крыльями, взлетали из-под ног и бились о комбинезон. Почва пружинила, чавкала, проседала. Топь. Он проваливался по щиколотку, и каждый шаг сопровождался хлюпаньем и отвратительным запахом потревоженного ила. Несколько раз он останавливался, прислушиваясь. Джунгли жили: трещали, стрекотали, ухали. Из-за ствола донёсся шорох — Макс замер, рука потянулась к мультитулу на поясе, бесполезному против чего бы то ни было крупнее белки, но шорох затих, и он пошёл дальше.

Спустя несколько минут Макс провалился по колено в ил, качнулся, ухватился за ближайшую лиану, и лиана подалась, как гнилая верёвка, с тихим влажным треском. Он рухнул на бок, локтем в жижу, и пока вытаскивал ногу, увидел: в луже, которую он потревожил, что-то тускло блеснуло. Зеленоватый, изъеденный патиной кусок металла, застрявший в развилке полузатопленного дерева.

Макс подцепил его и вытащил обрывок цепи — звенья толщиной с палец, каждое со странным клеймом: стилизованный орёл, вписанный в окружность. Работа тонкая, не фабричная. Он провёл большим пальцем по рельефу. Человеческая вещь — значит, люди здесь были и здесь гибли. Он бросил обрывок обратно в жижу и двинулся дальше, выби-

рая опору тщательнее.

Через двадцать минут или через час — время здесь расплывалось, как чернила в воде, — чавкающее болото уступило место выходу на более твёрдую сушь. Под ногами показалась узкая гряда плотной, подсохшей глины, и прямо у её края Макс наткнулся на скелет.

Зверь лежал в прибрежной ложбине, частично провалившись в ил, и его рёбра торчали вверх, как шпангоуты перевернутого судна. Размером с автобус, не меньше. Позвонки уходили цепочкой в папоротники. Череп отсутствовал — возможно, утянутый падальщиками, но по изгибу грудной клетки, по массивным лопаткам и остаткам хвоста Макс, никогда не бывший палеонтологом, понял: это не млекопитающее. Кости были другого цвета — не белые, а желтовато-серые, пористые, лёгкие на вид. Между рёбрами проросли лианы, оплетая их, как пальцы, сжимающие решётку. Природа здесь работала быстро, жадно, без сантиментов. В одном из позвонков, ближнем, торчала крупнокалиберная, деформированная при ударе пуля, засевшая в кости глубоко и прочно. Ящера убили. Из оружия, которое в мезозое не могло существовать.

Выбравшись из ила на плотный глинистый пяточок, Макс обошёл скелет и прямо на твёрдой почве увидел след.

Отпечаток в глинистой почве был чётким и свежим оттиском рифлёной подошвы армейского сапога. Человеческий. Макс присел, взгляделся: размер сорок третий или около то-

го, тяжёлый, глубокий оттиск, видимо, человек нёс груз. Рядом второй след, третий. Цепочка, уходящая по сухой гряде на северо-восток, если верить мху на стволах.

Макс пошёл по следам.

Джунгли расступались неохотно, как толпа, не желающая пропускать чужака. В одном месте цепочка отпечатков пересекала болотистый ручей — Макс перебрался по камням, но один качнулся, он поскользнулся и зачерпнул ботинком бурую тёплую воду.

За ручьём топи окончательно сменились твердью: начался каменистый склон, заваленный поваленными стволами, обросшими грибами размером с тарелку. За этим завалом открылась прогалина, и Макс остановился на краю.

В центре стояла пирамида.

Она была довольно высокой, метров пятнадцать, усечённой, со ступенчатыми гранями, сложенной из тёмного камня, покрытого мхом и лишайником. Лианы оплетали её, как щупальца, вгрызаясь в швы между блоками. Но Макс видел под слоем зелени точную геометрию. Идеальные углы, подогнанные без раствора стыки, грани, не отклоняющиеся от вертикали ни на градус. Это не было природным образованием. Это было построено разумом, чей масштаб мышления не совпадал ни с чем в его опыте.

Архитектура напоминала пирамиды майя, но грубее и тяжелее — массивные плиты, рубленые формы, давящие пропорции. Брутализм, прошедший через тысячелетия. У под-

ножия темнел низкий, прямоугольный проём, перекрытый цельным каменным блоком, и из него тянуло холодом. Не прохладой, а именно холодом, сухим и минеральным, как из глубокой шахты. Контраст с тропической духотой был таким резким, что кожу на предплечьях стянуло.

Следы вели внутрь. Макс помедлил на пороге. Инстинкт спасателя, не входить в нестабильные конструкции без разведки и страховки, столкнулся с простым расчётом: снаружи его ждали джунгли, полные тварей, которых не должно существовать, и ни единого ресурса, кроме мультитула и издыхающего фонаря. Внутри должны быть люди. По крайней мере, были.

Макс шагнул в проём.

Фонарь осветил узкий, с низким потолком коридор, стены облицованы тем же тёмным камнем. И фрески. Они шли по обеим сторонам, от пола до потолка, выбитые в камне и подкрашенные минеральными пигментами — охрой, сажей, чем-то синим, мерцающим. Мерцание было слабым, едва заметным, но реальным, пигмент словно сохранял собственный свет, не отражая, а излучая. Изображения были детальными и невозможными. Макс остановился, поднёс фонарь ближе.

На левой стене — танк. Грубо стилизованный, но узнаваемый: гусеницы, башня, ствол. Рядом колесница, запряжённая двумя животными, похожими на лошадей, но с длинными шеями. Оба, танк и колесница, двигались в одном на-

правлении, навстречу существу, занимавшему центр композиции: вертикальная туша, маленькие передние лапы, разинутая пасть с треугольными зубами. Тираннозавр. Вокруг фигуры людей: одни в доспехах с прямоугольными щитами, другие в чём-то, напоминавшем комбинезоны. Все сражались вместе. Фреска была старше любой известной человеческой цивилизации, а на ней танк. Макс прижал ладонь к холодному камню. Вибрация была и здесь, едва уловимая.

На правой стене была изображена сфера, испускающая лучи. Вокруг неё концентрические круги, и в каждом круге фрагменты: города, леса, горы, люди разных эпох. Словно кто-то нарезал реальность ломтиками и вложил их друг в друга, как матрёшку. А над всем этим, в верхнем регистре овальное тело, покрытое кратерами. Астероид или местная луна, нарисованные тысячи лет назад тем, кто знал.

Коридор вывел в круглый зал. Потолок уходил в темноту, фонарь не доставал. Пол был гладким, отполированным до стеклянного блеска, и в его поверхности отражался свет фонаря, дробясь и множась, создавая иллюзию, будто зал продолжается вниз, в зеркальную бездну. В центре возвышение, каменный постамент, и над ним...

Макс остановился, фонарь дрогнул в руке.

Над постаментом висел, именно висел, ни на чём, в воздухе, полупрозрачный шар размером с арбуз. Внутри него медленно вращалась Земля. Не глобус, не проекция, а трёхмерное изображение планеты, детализированное до облач-

ных слоёв, до горных хребтов, до ниточек рек. Но поверхность была рассечена яркими, пульсирующими разломами, как если бы кто-то провёл по шкуре планеты раскалёнными лезвиями. Разломы светились изнутри, и в каждом, если приглядеться, мелькали образы: фрагменты городов, ключья ландшафтов, крохотные фигурки, падающие в никуда.

Макс протянул руку — и отдёрнул. Воздух вокруг голограммы покалывал кончики пальцев, как слабый электрический разряд. Покалывание прошло до запястья, поднялось выше, и кожа на предплечье отозвалась знакомым ощущением, тем же, что было в подвале, когда кровь на ладонях начала светиться. Макс отступил на шаг.

Он не успел осмыслить увиденное.

Снаружи раздалась автоматная очередь. Три патрона, пауза, ещё три. Дисциплинированный огонь, не паника. Отрывистые, гортанные крики на латыни. И поверх всего — звериный рык, низкий и тяжёлый, от которого каменный пол завибрировал под ногами.

В проём зала ввалились люди.

Их было семеро: легионеры в лориках, забрызганных грязью и кровью, с автоматами наперевес. Двое тащили третьего — раненого, с пропитанной красным повязкой на бедре. Они двигались слаженно, без суеты, и только бешеный темп выдавал отступление. Один из тащивших, коренастый, с бритым черепом и кривым носом, зажимал рану товарища скрученным в жгут ремнём от щита, не выпуская при этом авто-

мат из правой руки: ствол смотрел в сторону проёма, палец на скобе. Последний из них, отходя, высадил остаток магазина в проём, перезарядил одним движением, отступил на три шага и снова дал очередь.

На Макса они не обратили внимания. Вернее, заметили, оценили и отвергли как угрозу в доли секунды. Макс стоял у стены, вжавшись спиной в камень, и наблюдал, как отряд занимает оборону. Щиты к проёму, двое с автоматами в каменных нишах, остальные перезаряжают, проверяют раненого. Ни одного лишнего слова. Машина, отлаженная смертью.

Рык приблизился. В проём сунулась приплюснутая, с костяным гребнем голова, покрытая мелкой чешуёй цвета болотной тины. Пасть была приоткрыта, и из неё шёл пар, густой и зловонный. Ящер, метров шесть в длину, но клыки выступали из верхней челюсти на двадцать сантиметров. Он вдавился в проём, скрежетнув гребнем о камень, и застрял. Проём был узким, рассчитанным на людей, а не на семитонную тварь.

Легионеры дали очередь в упор. Пули выбили искры из костяного гребня, несколько пробили шкуру у основания шеи, и ящер оглушительно взревел, в замкнутом пространстве звук ударил по барабанным перепонкам, как кувалда. Макса качнуло, он ударился затылком о стену. Зверь рванулся назад, ободрав бока о камень, оставив на нём полосы чешуи и тёмной крови, и остался снаружи. Макс слышал его тяжёлое, хрипящее дыхание, и тихое поскрёбывание когтей

по плитам. Ждёт.

Пока легионеры перезаряжали оружие и проверяли раненого, Макс заметил, что голограмма над постаментом ведёт себя странно. Она и до этого пульсировала ровно и предсказуемо, но теперь её свечение стало рваным. Разломы на поверхности Земли вспыхивали и гасли, будто кто-то водил по ним невидимой рукой. Континенты подрагивали, размывались, и по краям проекции пробегала мелкая рябь, как по воде от упавшего камня.

Макс невольно сделал шаг назад. В тот же миг одна из ярких вспышек ударила по его сетчатке, и он замер, часто моргая. Показалось? Или голограмма действительно полыхнула ярче в ответ на его движение? Он осторожно поднял руку. Проекция пошла волной, контуры материков расплылись, а разломы на мгновение превратились в сплошное сияние. Макс опустил руку, свечение снова стало рваным.

Коренастый легионер с бритым черепом, который всё это время стоял у стены, придерживая раненого, медленно перевёл взгляд с голограммы на Макса, потом снова на голограмму. Его губы беззвучно шевельнулись, словно он повторял про себя нечто, что боялся произнести вслух.

— Ты видел? — наконец выдохнул он, не оборачиваясь.

Центурион, стоявший чуть поодаль, не ответил сразу. Он смотрел на постамент, и шрам на его щеке побелел. Потом перевёл взгляд на Макса, на его поднятую руку, на то, как проекция успокаивается, стоит Максу замереть.

— Видел, — произнёс он ровно, но с едва уловимой паузой, как перед защёлкиванием замка. — Она отзывается на него.

Он отпустил ремень автомата, выпрямился и шагнул к Максу. Теперь он смотрел не на голограмму, а на человека, который только что заставил её плясать.

— «Externus purus?» — неуверенно произнёс центурион.

Тот, кто стрелял последним, высокий, широкоплечий, в лорике, усиленной нашитыми стальными пластинами, снял шлем и провёл ладонью по мокрым от пота волосам. Лицо в шрамах: глубокий рубец наискось через левую щеку, рваная отметина на подбородке, след ожога на виске. Тёмные, спокойные, оценивающие глаза. Лет сорок, может, чуть больше. Возраст в этом мире, подумал Макс, наверное, считается иначе.

Человек внимательно оглядел Макса. Комбинезон. Разгрузка. Разодранные, бурые от крови ладони.

— Кто ты и откуда? — спросил он по-русски. Акцент был странным — мягкие гласные, раскатанное «р», будто русский язык наложился на другой, более древний.

Макс облизнул потрескавшиеся губы. Язык был сухим, шершавым.

— Волошин. Макс. МЧС... спасательная служба. Я был в городе... оползень... — Слова шли рвано, он сам слышал, как нелепо они звучат в этом зале, перед этими людьми. — Жена была под завалами, потом вспышка. Я очнулся здесь.

Не знаю, где «здесь».

Человек слушал молча. Ни удивления, ни недоверия, только внимание. Коренастый легионер с бритым черепом, не отрываясь от жгута на бедре раненого, коротко глянул на Макса и отвернулся. Видел подобное не в первый раз. Когда Макс замолчал, центурион кивнул коротко, как будто услышал то, что ожидал, и повернулся, указав на стену за спиной Макса.

Фреска. Макс не заметил её раньше, она была в тени, за постаментом с голограммой. Не такая сложная, как остальные: одинокая человеческая фигура, стоящая перед разверзшейся бездной. Из бездны тянулись лучи или щупальца, или разломы, а фигура стояла прямо, и от неё исходило сияние. Под изображением, выбитым в камне чётким, угловатым шрифтом, шла надпись:

EXTERNUS PURUS, CLAVIS VEL EXITIUM

— Читаешь латынь? — спросил центурион.

— Нет.

— «Чистый извне — ключ или погибель». — Он произнёс это ровно, без пафоса, как зачитывают координаты на карте. Потом посмотрел на Макса долгим, оценивающим взглядом, в котором был только холодный расчёт человека, привыкшего принимать решения, от которых зависят жизни. — Возможно, это ты. Идём. Ты нужен Авгурам.

— Кому? — Макс шагнул вперёд. — Подождите. Где я? Что это за мир? Что за ящеры? Откуда советские вертолёты

и римские легионеры? Что это, — он ткнул пальцем в голограмму над постаментом, — что за разломы? Где моя жена?

Вопросы посыпались из него, как осколки из разбитого стекла, и каждый следующий звучал беспомощнее предыдущего. Легионеры не реагировали, а продолжали следить за проёмом, за дыханием зверя снаружи. Только раненый, полужёжа на камне, посмотрел на Макса с выражением, которое Макс не сразу распознал. Сочувствие. Раненый, которому двадцать минут назад распороли ногу, жалел его.

Человек надел шлем, подтянул ремень автомата. Привычным движением проверил магазин, не глядя, пальцы считали патроны через прорези.

— Скоро узнаешь, — сказал он, и интонация была такой, что Макс понял: спрашивать дальше бесполезно. Не потому, что этот человек скрывал, а потому, что ответы были слишком длинными для пещеры, из которой нужно выбраться живыми.

— Центурион Адриан, — представился он, не оборачиваясь. — Когорта «Молот». Держись за строем, не отставай, не шуми. Ящер ждёт у входа, но мы уйдём другим путём.

Макс на ходу кивнул и, тревожно прислушиваясь к тяжёлому дыханию и скрежету когтей твари снаружи, тихо спросил:

— А танки? Вертолёт? Куда делась вся техника с поля боя?

— Вернулись в город, — отрывисто отозвался Адриан. —

У нас была дальняя выездная операция. Основной бронекулак отработал задачу и по прямой равнине ушёл на базу, а наш авангард отрезала стая ящеров. Чтобы не положить раненых на открытой местности, мы укрылись в этой пирамиде.

— И они не стали вас ждать? Не пойдут искать? — изумился Макс.

— Ждать на открытой равнине или зарываться танками в джунгли — это самоубийство, — качнул головой центурион. — Танковые дизели на холостом ходу жрут дефицитную белую нефть, а шум боя и запах крови сгоняют крупных хищников со всей долины. К тому же штаб знает: наша разведгруппа — автономный авангард. Если нас отрезали, мы не ждём спасателей, а уходим пешком через подземелья. Держись за строем и слушай команду.

Он быстро и тихо отдал приказ на латыни. Двое легионеров подхватили раненого, остальные перестроились: двое впереди, двое сзади, Макс в середине. Адриан повёл отряд вглубь зала, к дальней стене, где обнаружился ещё один проём.

Холод стал плотнее. Стены коридора были другими — не камень, а что-то гладкое, тёмное, матово поглощавшее свет фонаря. Макс провёл пальцами по поверхности: не металл и не керамика. Материал был чуть тёплым, и под подушечками пальцев ощущалась ровная, ритмичная вибрация, как далёкий пульс чего-то, зарытого глубоко в земле.

Он отдернул руку.

Отряд двигался быстро и тихо. Сапоги легионеров ступали мягко, привычно, почти бесшумно, подмётки были обмотаны тканью, заметил Макс. Полевая хитрость, отработанная в мире, где шум убивает. Его гражданские ботинки скользили на гладком полу, и он то и дело отставал на шаг. Адриан ни разу не обернулся, но каждый раз, когда Макс сбивался, легионер за его спиной коротко касался его плеча, но не подталкивая, а обозначая: ты здесь, ты в строю, не выпадай.

Они шли минут двадцать или дольше, время в этом коридоре размазывалось, теряло края. Спуск, поворот, ещё спуск. На одном из поворотов Макс споткнулся о что-то, торчавшее из пола: край каменной плиты, вздыбленный, будто пол когда-то перекосило изнутри. Легионер подхватил его за локоть, бесшумно, не замедлив шага. Развилка. Адриан без колебаний выбирал направление, будто ходил здесь не раз. Отмечал путь? Макс пригляделся: на стене у каждого поворота виднелись свежие короткие засечки, нанесённые ножом.

Воздух менялся: сначала запах пыли и озона, потом влаги, потом чего-то живого, органического, как дыхание спящего зверя.

Звуки тоже менялись. Шаги отряда отражались от стен гулко, умноженные эхом. Но между отражениями Макс слышал тихий, равномерный звук, похожий на дыхание. Вдох. Выдох. Вдох. Не его и не легионеров. Что-то дышало в стенах. Или за стенами. Или сами стены дышали.

Адриан поднял кулак, отряд замер. Тишина сгустилась, и в ней стало слышно то, чего Макс предпочёл бы не слышать: лёгкий шелест, как если бы десятки босых ног бесшумно переступали по камню где-то в боковых ответвлениях. Легионер справа от Макса медленно положил ладонь на рукоять гладиуса и замер так, будто стал частью стены. Раненый прикусил губу, сдерживая стон, его лицо блестело от пота.

Шелест приблизился, теперь он шёл слева, из бокового прохода, забранного решёткой из того же тёмного материала. Макс повернул голову. За решёткой было темно, но в этой темноте угадывалось движение: что-то бледное, невысокое, перемещавшееся рывками. Силуэт замер напротив решётки, и Макс на мгновение различил лицо или то, что было лицом когда-то: вытянутое, безглазое, с провалами на месте глазниц, затянутыми тонкой белёсой кожей. Голова склонилась набок, как у птицы, и Макс понял: оно слушает.

Адриан показал жестом: вперёд, тихо. Отряд двинулся крадучись, и теперь Макс понимал, почему они не стреляли, когда шорох приблизился. Что бы ни обитало здесь, шум привлекал его сильнее, чем движение. Они шли бесшумно, выверяя каждый шаг. Макс контролировал каждое движение ноги, опуская ступню с носка на пятку, как учили ещё в армии, в прошлой жизни, которая теперь казалась чужим воспоминанием.

Бледный силуэт за решёткой не шелохнулся, пока они проходили мимо. Но голова поворачивалась вслед медлен-

но и точно, прослеживая их маршрут по звуку дыхания, по шороху ткани, по стуку сердец. Макс прошёл в двух метрах от решётки, и ему показалось, что существо чуть подавалось вперёд, прижав бледные пальцы к прутьям. Пальцы были длинными, с выпуклыми подушечками, и мелко подрагивали, считывая вибрации.

Через несколько минут, показавшихся Максу получасом, коридор расширился. Стены раздвинулись, потолок ушёл вверх, и они вышли в пространство, которое язык отказывался называть пещерой. Это была исполинская полость, уходившая вверх и вширь так далеко, что фонарь не доставал до стен. Воздух здесь был другим: неподвижным, плотным, напитанным запахом, который Макс не мог опознать, — не гниль и не химия, а что-то минеральное, чистое и одновременно чуждое.

Адриан, подняв фонарь, негромко произнёс:
— Храм Спящих.

Свет выхватил фрагменты: колонны, или стволы, или трубы, уходившие от пола к невидимому своду. Между ними каменные террасы, и на террасах фигуры. Огромные фрески, многометровые панно, покрывавшие каждую вертикальную поверхность. Люди, звери, механизмы, чьи очертания не складывались в знакомые формы. Поверх древних рисунков кто-то когда-то выбил неровные, торопливые латинские буквы, будто писавший оглядывался через плечо:

EXTERNUS PURUS, CLAVIS VEL EXITIUM

Те же слова. Снова. Макс видел эту фразу третий раз за последний час или за последнюю вечность, и каждый раз она казалась ближе, точнее направленной, словно сужающаяся воронка вела к нему.

Макс остановился. Адриан, заметив его взгляд, подошёл.

— Мы находили эту надпись не раз, — сказал он, и голос в пустоте прозвучал глухо, без обычной командной жёсткости. — Здесь. В подземельях Алезии. На обломках обелиска у Серых озёр. «Externus purus, clavis vel exitium» не единичная фреска. Это предупреждение, разбросанное по всей Пангее. Мы годами ищем того, к кому оно обращено.

Он замолчал, и в тишине Макс услышал, как откуда-то сверху, из невидимого свода, капает вода — далёкое, размеренное постукивание, отсчитывавшее время, которое здесь не имело смысла.

— Пангея? — переспросил Макс.

— Так мы зовём этот мир, Авгуры объяснят. Сейчас — идём.

Отряд двинулся дальше, через Храм Спящих, огибая террасы и колонны. Раненый стиснул зубы, но шёл сам, опираясь на плечо коренастого. Макс шёл за ними, и каждый его шаг отзывался эхом, которое терялось в темноте. У подножия одной из колонн, в нише, он заметил кучку предметов: обгоревший армейский котелок, свёрнутый брезент, горку стреляных гильз. Кто-то ночевал здесь, прижимаясь спиной к стене, которая дышала. Привыкли. Выжили. Или нет.

За всю дорогу он ни разу не обернулся. Но ощущение взгляда, не человеческого, не звериного, а чего-то бесконечно терпеливого, древнего и безразличного, не покидало его до самого выхода.

Когда они, наконец, через расщелину, замаскированную поваленными стволами, выбрались на поверхность, Макс зажмурился от света. Небо по-прежнему горело: астероид висел над горизонтом, сместившись к западу, и его багровое свечение окрашивало облака в цвет запёкшейся крови. Тёплый ветер пахнул дымом, травой и чем-то химическим.

Адриан указал рукой на северо-восток.

— Там Новый Константинополь, — сказал он. — Полдня пути, если ящеры не помешают. — Он помолчал и добавил, не оборачиваясь: — Держи руки подальше от стен в следующий раз. То, что ты почувствовал у голограммы, они тоже чувствуют.

Макс не спросил, кто «они». Вопросов было слишком много, и каждый тянул за собой десяток новых.

И шагнул за строем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.